

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

К 556/38г.

СОСТЯЗАНИЕ ПЕРЕСТРАХОВЩИКОВ
Мера „бдительности“ в глазах некоторых партийных работников.

Рис. Л. Бродаты

Лем38

Рис. Л. Генча

РЕБЕНКУ ЯСНО

РЕБЯТА: — Ему бы черную фуражку, а не красную... Ведь у нас на станции прорыв.

БОРЕЦ

КТО не бывал запросто в гостях у Аметиста Петровича, тот, разумеется, не мог ознакомиться с гордостью семьи, документом следующего содержания:

«...декабря... дня... 1907 года в заседании... энской судебной палаты рассматривалось дело по обвинению Аметиста Петровича Изумрудского в принадлежности к преступному сообществу, имеющему целью ниспровержение существующего строя... энская судебная палата в заседании своем от... дня... постановила считать названного Аметиста Петровича Изумрудского по суду оправданным».

Документ этот, в добротной дубовой раме, висит над столом Аметиста Петровича. Но не в нем соль. Соль в том, что по дубовой раме накладными буквами-апплике выложены следующие слова:

«Отцу-борцу от Толи, Вити, Оли, Саши».

Отец-борец поднимается в девятом часу утра. Позавтракав с младшим отпрыском семьи Изумрудских, отец-борец отдается трудам.

— Сашура, — говорит Аметист Петрович, — погляди-ка, что записано у меня в календаре.

— Да все то же, папаша.

И сын протягивает отцу календарный листок. На листке остреньким разборчивым почерком написано:

«Рубашкин, 1915 года рождения. Член ВЛКОМ».

Но прежде чем младший отпрыск отвечает, что именно записано в отрывном календаре, малиновым звоном заливаются телефон.

Аметист Петрович берет трубку.

— Ольга Павловна, — говорит отец-борец, — вывесьте на дверях моего кабинета записочку: «Товарищ Изумрудский на заседании комиссии месткома».

Положив трубку, Аметист Петрович собственноручно соединяется с месткомом:

— Анна Акимовна, если будут меня спрашивать, извольте говорить: я на основной работе.

Тем временем младший отпрыск семьи Изумрудских уже сидит за пишущей машинкой.

— На чем мы остановились, Сашура? — мечтательно говорит Аметист Петрович. — Да... стало быть, так... пиши...

И слегка запрокинув голову, голосом, приобретшим бархатные ноты, Аметист Петрович диктует:

«...поведение товарища Рубашкина внушает опасения и по линии нравственной. Ни для кого не секрет, что товарищ Рубашкин под видом лечения зубов навещает вдову Комаревич, с которой находился в связи зять бывшего главбуха Укропова, по всей вероятности, привлеченного к ответственности за знакомство с азербайджанским гражданином Эфендиевым.

В 17 часов 8 минут выходного дня товарищ Рубашкин говорил по неизвестному мне телефону и произнес в высшей степени странные слова: «Нынче здесь, а завтра там», — притом нараспев, как бы исполняя песню на знакомый мотив.

Но, принимая во внимание незаинтересованность товарища Рубашкина в музыке и пении, под этими словами надо понимать нечто другое... Накануне выходного дня товарищ Рубашкин предосудительно обошелся с газетой, в которой было напечатано стихотворение поэта Алтаузена, завернув в нее принадлежность туалета, именуемую в общежитии трусами. На мое указание, что в данном стихотворении могут содержаться мобилизующие на борьбу с заносами строчки нашего крупного поэта, товарищ Рубашкин ответил: «Бросьте ваши штуки» — и ушел, если не ошибаюсь, на каток.

Все это является побочными обстоятельствами, основным же, я полагаю, является то, что бабка Рубашкина, по его собственному признанию, торговала квасом на Макарьевской ярмарке и, таким образом, являлась представительницей торгового капитала, смыкавшегося уже в то время с крупной промышленностью. Это по линии семейных связей. С другой стороны, дядя Рубашкина со стороны отца, по его собственному признанию, был дядей «самых честных правил». Ибо как я, так и мой младший сын Анатолий, слышали, как Рубашкин, умываясь в коммунальной ванной, произносил вслух следующие слова:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...
Он уважать себя заставил...»

Я как пострадавший за революцию в царских застенках борец хорошо знаю, какие это были заставлявшие себя уважать дяди, «самых честных правил», и что это были за правила! На мой вопрос, поставленный вплотную, с требованием осветить, кто же был дядя Рубашкина, он сослался на какого-то Онегина и упомянул фамилию Пушкина, что являлось уже прямым издевательством.

В дополнение к уже собранным сведениям о Рубашкине могу добавить, что в гражданской войне товарищ Рубашкин участия не принимал. В субботниках не участвовал. Занимает площадь в тридцать четыре квадратных метра в нашем учрежденском доме. Все эти данные позволяют мне, старому борцу, поставить вопрос о пребывании гр. Рубашкина в рядах комсомола. Типам, подобным Рубашкину, нет места и в нашем учреждении. Подписано А. Изумрудский. Подпись тов. Изумрудского, старого ветерана и в свое время борца, удостоверяется...»

— Ну вот и все, Сашура, — помолчав, говорит Аметист Петрович, — будь добр, соедини меня с Борис Борисычем.

И протянув руку к трубке, Аметист Петрович говорит строго и с оттенком снисходительности:

— Вы уж извините меня, Борис Борисович... На работу сегодня не выйду... Литературный труд... Да все тот же Рубашкин.

Должно быть, Аметисту Петровичу говорят что-то неприятное. Лицо его приобретает выражение, точно он проглотил гадость.

Пожевав губами, он кладет трубку и произносит с горечью и грустью:

— Как же это так? Меня, старого борца? Я—карьерист? О, господи!

Л. НИКУЛИН

Неожиданный конфуз

КТО еще желает высказаться по вопросу о социалистическом соревновании нашего колхоза с колхозом «Маяк»? — спросил председатель собрания.

— Дайте мне, — сказал Афанасий Чередниченко, — я скажу пару слов. Я скажу так. Вот сейчас еще, например, зимнее время. На улице буря гоняет, верещит, как та хрюшка. А мы уже к весне готуемся. И это хорошо. Это правильно. Между прочим, я скажу так: зачем нам, товарищи, вызывать такой колхоз, как «Маяк»? Зачем нам связываться с «Маяком»? Это слабый колхоз. Нам как раз больше подходит колхоз «Семен Буденный». Вот с кого пример брать! Я кончил.

— Дайте мне, — поднялся Яков Твердохлиб, — я скажу пару слов. Я спрошу у товарища Чередниченко: а как вы думаете, Яков Макарович, может, в колхозе «Семен Буденный» нам то же самое скажут, что мы говорим за колхоз «Маяк», может, и они с нами не пожелают связываться? И без вас, скажут, свое, что полагается, посеет! Вот как бы они нам этого не сказали... Я кончил!

— Дайте и мне! — поднялся за столом президиума председатель колхоза Иван Иванович Середа. — Я тоже скажу пару слов... Вот тут товарищ Чередниченко сомневается. Почему ж вы сомневаетесь, товарищ Чередниченко? Вытягнем той «Маяк». Советская власть интересуется, чтобы не было отстающих. Правильно я говорю?

— Вы, Иван Иванович, как ворожка! — с уважением заметила колхозница в сером платке оренбургской шерсти. — Шо люди думают, то вы уж и сказали!

— Вытягнем! — подтвердило собрание.

— А теперь, товарищи, — заключил председатель собрания, — мы должны выбрать комиссию, которая поедет с на-

шими условиями в колхоз «Маяк». Ну когда будете у них, придется, конечно, объяснить, чтоб они там не пугались, а то еще сперепугу не примут нашего вызова... Называйте, товарищи, предлагаемых товарищей!..

Общее собрание колхоза «Две пятилетки» приступило к выборам комиссии.

На другой день утром трое саней мчали комиссию из колхоза «Две пятилетки» за семь километров, в колхоз «Маяк». В первых санях сидели председатель колхоза Иван Иванович Середа и полевод Тимошечкин. Конюх, натянув вожжи, благодушно покрикивал на коней:

— Но!.. Но-о!.. Не балуй, мальчики! Коня весело бежали и один другому кивали мордами. Ветер раздувал их хвосты и гривы.

На других двух санях ехали доярка, учительница, два бригадира, плотник и кузнец.

Весь этот веселый кортеж так живо примчался в колхоз «Маяк», что кони, остановленные возле правления, продолжали еще играть и приплясывать в упряжке.

На крыльцо вышли председатель «Маяка» Федор Степанович Колбасенко и колхозный счетовод.

— Вы не смущайтесь, пожалуйста, Федор Степанович, — деликатно сказал Середа, вылезая из набитых соломой саней, как из лукошка.

— А чего же нам смущаться, — пожал плечами Колбасенко, — вы, я так думаю, люди советские...

— Это само собой. Мы тут вас, между прочим, на социалистическое соревнование вызываем...

— А, ну что ж. Это можно. Ось людей соберем. Заходите в помещение!

— Храбрится! — перемигнулись члены комиссии. — Не показывает виду!..

Между тем председатель «Маяка» степенно говорил счетоводу:

— Товарищ Градусов, будьте столько

ласковы, приглашайте наших людей на сборы!..

Вскоре коренные обитатели колхоза «Маяк» начали подходить к правлению.

...Из «Маяка» возвращалась комиссия уже в обед. Председатель сидел в санях насупившись. Полевод что-то насвистывал. Конюх вертел в воздухе концом вожжей, рычал на своих «мальчиков».

— А что б вас!.. Эй-эп!.. Чего затрусили?

Но кони только укоризненно мотали головами и крутили хвостами.

— Та-ак, пони-маем! — сердито рассуждал конюх. — На чужих конюшнях постояли на новеньком настиле, так уж и морду воротите? Понравилось в гостях чужой овес жевать? А ну что б вас, пр-роклятые!..

На вторых санях беспокойно ерзали бригадиры.

— Как же — «слабый колхоз»... Как же — «вы-ытягнем». Еще только неизвестно: кто это кого вытягнет? Семена, небось, засыпаны. Инвентарь, будьте любезны, весь отремонтирован. А тягло? А что же тягло? И тягло у порядке... Мы им — свои условия. А они нам соседски такое пред'явили!..

— Новую баню построили! — ехидно поддевал кузнец плотника.

— Кузню какую сделали! — отвечал плотник кузнецу, тоже не без ехидства.

Сани уже ехали по широкой улице колхоза «Две пятилетки».

— А вот и комиссия вернулась! — говорили колхозники. Они столпились у саней. — Эге-ге! Смотрите, люди добрые, покисала наша комиссия. Что? Неинтересно? Слабо у них там в «Маяке»? Не вытянуть?..

— А ну не звонить! — крикнул в ответ председатель Иван Иванович Середа. — А ну держись теперь крепче, хлопцы! Придется-таки нам не вытягивать их, а с ними от силы потягаться. Связались с соседом!..

Л. МИТНИЦКИЙ

Рис. М. Черемных

КТО—КУДА

- А что касается подготовки к севу, то мы уже совершили пробный выезд.
- В поле?
- Нет. В райком — с объяснениями насчет отставания.

беспокойный

БРАШ

По совести говоря, ничего нового не случилось за отчетный период в нашем учреждении. Так что даже и рассказать не о чем. Вот разве насчет Певцовой...

У нас в счетном отделе работает некто Певцова. И вот с ней приключилось одно дело. Собственно, даже не с нею, а с ее братом. Но это сразу стало известно всем нашим сотрудникам. И, конечно, пошли неприятные разговоры.

Как потом выяснилось, во всем виноват оказался товарищ Закоперчик. От него пошли всякие слухи.

Во время обеденного перерыва Закоперчик встретил в коридоре Сигаевича. И так, мимоходом, сказал ему:

— Слыхали насчет брата Певцовой? А? Вот, значит, какие дела...

— А что?

Но тут позвали Сигаевича к телефону. Так что Сигаевич не успел даже толком расспросить Закоперчика. Идет потом Сигаевич, и вдруг ему навстречу попадается Фрол Никитич Корешок. Сигаевич и говорит Корешку:

— Неприятности у нас. С братом Певцовой что-то случилось.

— Вот как! Я этого ожидал. Я так и знал.

— А вы его знали?

— Нет. Но сама Певцова всегда вызывала у меня сомнения. Знаете ли, Певцова...

Тут подошла Кононова:

— Что такое? О чем разговор? Здравствуйте, товарищи. Вы, кажется, о Певцовой? Прекрасная девушка. И спорить не смею.

— Вполне допускаю,— ехидно заметил Корешок.— Но братец у нее того-с... Слыхали? А вы говорите...

— Я с ней, правда, давно не имею ничего общего. Первое время она мне действительно показалась более или менее... Но потом я с ней порвала всякую связь. Я, знаете ли, инстинктивно почувствовала в ней что-то отталкивающее.

Не прошло и пяти минут, как Кононова рассказала всем сотрудникам подотдела безличных расчетов о том, что брат этой противной, несимпатичной Певцовой обвиняется в растратах, хищениях и «еще кое в чем».

К концу рабочего дня курьерша принесла Певцовой записочку от Чебутыкина:

«К сожалению, не смогу сегодня пойти с вами в кино...»

На другой день, придя на работу, Певцова сразу почувствовала что-то неладное. На ее приветствия товарищи отвечали сухо и сдержанно. На вопросы отвечали неохотно.

Певцова недоумевала. Но обратиться с расспросами считала неудобным. Да и некогда было.

Она пошла зачем-то в бухгалтерию. По дороге ее остановил Карпов.

— Товарищ Певцова, у меня к вам разговор.

— Слушаю.

— Вы меня, пожалуйста, извините. Может, я вмешиваюсь не в свое дело. Может, я затрагиваю очень деликатный вопрос. Но я все-таки, извините, счел своим товарищеским долгом предупредить вас. Видите ли, по нашему учреждению ходят какие-то непроверенные слухи...

— Какие слухи? О чем?

— Касательно вас, товарищ Певцова. И я думаю, что вы должны были бы принять кое-какие меры.

— А что же обо мне говорят?

— Не о вас, товарищ Певцова. О вас мало говорят. Но вот, извините, о вашем брате. Будто бы ваш брат — очень беспокойный человек. И будто бы...

— Что будто бы?

— Я не хотел бы касаться этого вопроса. Может быть,

это сплетня. А вам лучше сходить в местком и выяснить все подробности...

В месткоме только что получено было заявление от Чирьева.

Чирьев жил когда-то в Орле. На заре своей туманной юности он торговал иконами и дегтем. Теперь он неизменно выступает на всех собраниях, с энтузиазмом восхваляет начальство и жестоко критикует низших служащих. Это он всегда кричит с места: «О себе скажи!», «Пора закругляться!» «Без дипломатии, пожалуйста!»

В местком он прислал заявление такого рода:

«Дорогие товарищи! Борюсь с врагами и разгильдяями, окопавшимися в советском аппарате, считаю своим гражданским долгом разоблачить гр. Певцову, как чуждый элемент, который не желает перевариться в нашем котле. Что касается ее брата, с которым она до последнего времени поддерживала самую тесную связь, то о нем много распространяться не буду, так как, что это за личность, всем известно».

Председатель месткома Федосеев велел это заявление приобщить к личному делу Певцовой. Тут же распорядился на всякий случай вычеркнуть ее из списков на премиальные за последний квартал.

В этот самый момент зашла в местком Певцова. Федосеев и говорит ей:

— Вы ко мне? Сегодня никак не могу. Зайдите послезавтра, и мы займемся вашим делом. А пока что мне надо выяснить только один вопрос: вы поддерживали связь с вашим братом?

— Да. Конечно.

— Больше пока вопросов не имею. Все ясно. Зайдите послезавтра.

Певцова побежала к нашему парторгу, к Копылову. Они о чем-то долго шептались. Потом парторг задал ей несколько вопросов:

— Это ваш родной брат?

— Да.

— Других братьев у вас нет?

— Нет.

— Что же вы ко мне не пришли раньше?

— Да я сама ничего не знала.

— Хорошо. Мы сейчас все это проверим. Вам кто сказал?

Карпов? Спросим Карпова.

Приходит Карпов.

— Вы от кого слыхали, товарищ Карпов?

— От Чирьева.

Вызвали Чирьева.

— Да я ничего. Но мне сказала Кононова.

Вызвали Кононову.

— При чем тут я? Мне сказал Корешок.

Вызвали Корешка.

— Странно. Почему вы меня спрашиваете? Спросите Сигаевича. Это он мне сказал.

Вызвали Сигаевича.

— Я? Не имею к этому никакого отношения. Это все Закоперчик.

— Закоперчик? Не может быть. Это человек серьезный, болтать не любит. Странно...

Вызвали Закоперчика.

— Говорили про брата Певцовой?

— А что тут особенного? Конечно, говорил. Почему спрашивается, не рассказать товарищам, что брат Певцовой за свое изобретение получает в качестве премии легковую машину?

Г. РЫКЛИН

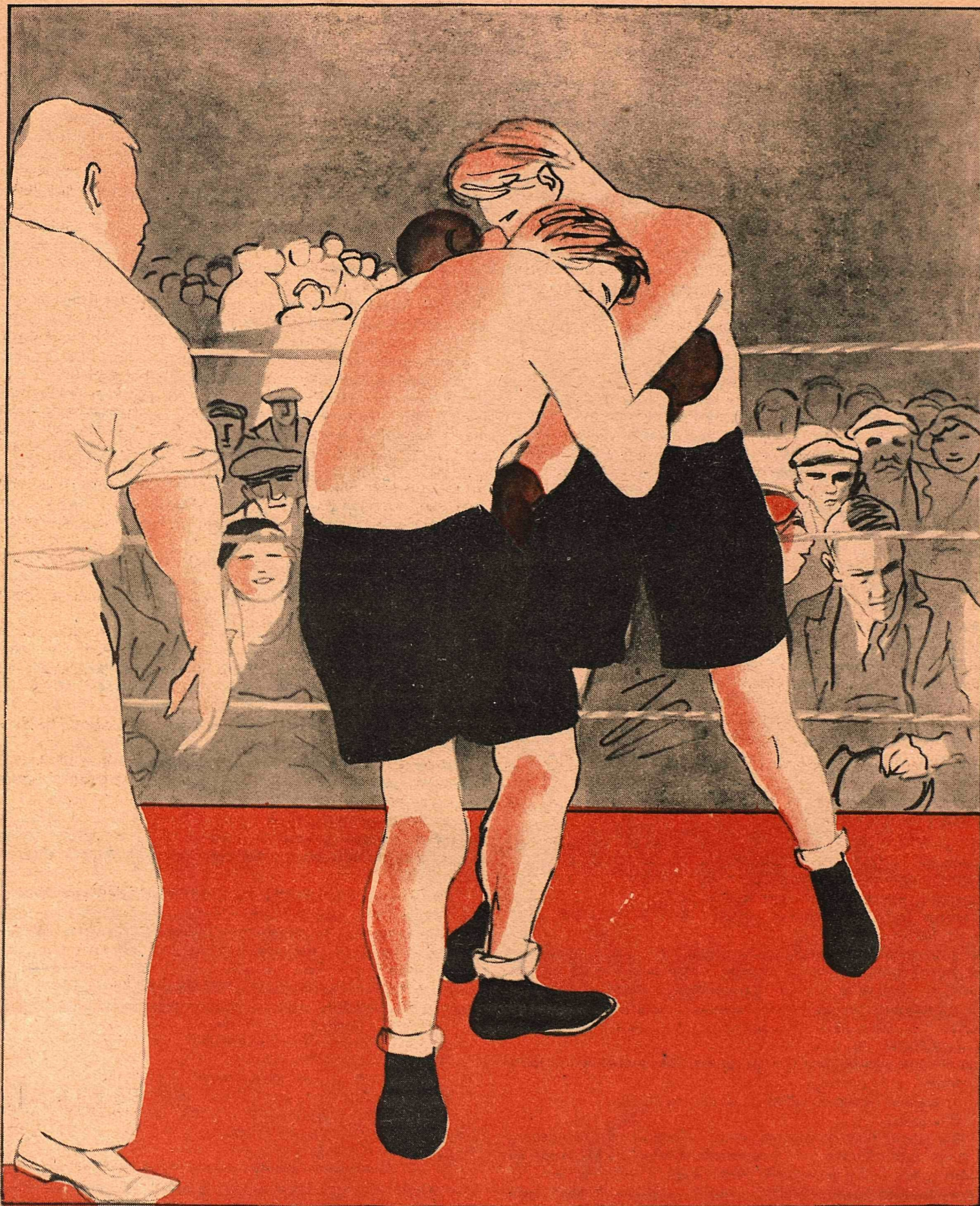
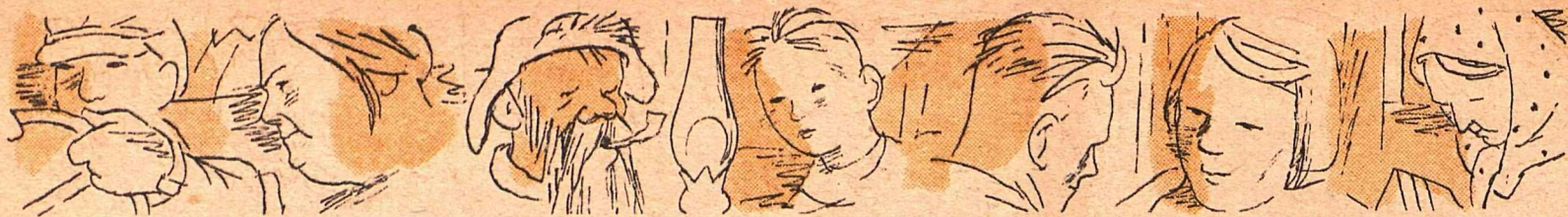

Рис. Л. Бродаты

К С О Ж А Л Е Н И Ю , В Е Р Н О

- Наши боксеры победили французских.
- Так ведь у нас спорту уделяется большее внимание. У нас есть Комитет по делам физкультуры.
- Ну, он-то здесь не при чем.

В декабре состоялась поездка в колхоз «Звезда». Хорошая была поездка. Ехали шефы из города — по случаю выполнения колхозом годового плана. От этой поездки осталось в памяти четырнадцать человек. Хочется о них рассказать по порядку.

Первым запомнился шофер. За все время поездки не сказал почти ни слова. Твердый, жесткий, смуглый, красивый — молчал. Когда к нему обращались, — кивал головой утвердительно или отрицательно. Но запомнился он не по этому, а совсем по другому поводу. Об этом будет сказано в свое время.

Второй запомнилась председательница правления колхоза. Пожилая женщина. Хороший оратор. Складно и приятно говорит. (Было общее отчетное собрание.) Хорошо смеется. Для смеха был повод: надо было премировать девушек-колхозниц, а из области какие-то растяпы прислали почему-то главным образом мужские брюки...

Третьим был явно отрицательный, ненужный тип. Но тип. Сторож при клубе. Ламп не приготовил. Безобразие! Собрались люди, надо открывать собрание, а он не приготовил ламп (электричество еще не проведено в селе). Он должен был лампы наполнить керосином. Не приготовил, не налил. Уж молчал бы в таком случае! Но он разговаривает, ворчит, ругается! Бессмысленно размахивает руками. Уж хоть бы скорее налил. Какие у него еще могут быть доводы?! Для чего эти ненужные жесты! Смешной старик. Казалось, уже нет таких стариков... Оказывается, есть. Налил, наконец, лампу. Небрежно, отвратительно... Керосин стекает на пол.

И вот рядом со старым новое. Мальчик десяти—одиннадцати лет. Спокойно, толково подходит к старику, вытирает мокрую лампу, вытирает на полу лужицу керосина. Глаза серьезные. Движения цельные. В каждом движении серьезность. Общественник! Сделал все — вытер руки бумажкой. Отошел. Сел.

Пятый. Молодой слесарь. Сидит на собрании в небрежной позе. Чистое, бритое лицо. Зеленый шарф. Обижен. Почему? После собрания будет вечер. Вечер будет для избранных, по особым приглашениям. Но его не пригласили. Сидит и переживает. Его (его!) — не пригласили. Погодите! Пожалуйте! Правда, он пошумел на одном из предыдущих вечеров, похулиганил: было такое дело, но ведь это было давно. Неужели за это? Сидит в независимой, небрежной позе, но переживает обиду остро. Чем это окончится?..

Шестая. Молодая женщина. Очень красивая. Тонкое, немного злое нервное лицо. Опоздала на собрание. Важно, в новеньком пальто, пробирается между скамьями. Узкий проход заполнили мальчишки. С трудом протискивается. Вдруг резко обернулась. Ей показалось, что кто-то задел ее. Быстро, решительно толкнула первого попавшегося в плечо: «Ты чего!» И гордо села.

Дальше две премированных. Марфа Игнатова — материей на платье, двумя парами чулок; Марфа Игнатова немного неловко берет премию, не благодарит, поворачивается и уходит. Отчего же она ничего не говорит? От смущения. Насупливает брови, берет премию и уходит. Она вдова, работает хорошо, но говорить не умеет. Нет уж, пусть другие говорят. Вторая премированная — Елена Жидкова, трактористка. Отрез на платье и две пары шелковых чулок. Эта не молчит. Растерянно-счастливо улыбается, краснеет и произносит короткую, складную речь. Она будет стараться еще лучше работать, чтобы оправдать доверие, которое ей оказано. Ей аплодируют.

После собрания начинается вечер, тот самый, на который слесарь не приглашен, а приглашены избранные.

Идут по снегу в новую избу. Там уже находятся многие. Там молодая красивая, которая толкнула мальчишку в плечо.

Там премированная трактористка Елена Жидкова. Там же много девушек-колхозниц, которые на собрании были незаметны: они сидели в пальто и имели будничные вид, а здесь они в нарядных праздничных платьях, а некоторые даже в шелковых. Немало здесь и мужчин, тоже хорошо одетых, солидных, с хорошими папиросами в руках.

Вдоль трех стен накрыты белыми скатертями составленные столы, и перед ними скамьи, стулья. На столах, в больших тарелках, соблазнительнейший студень, кильки, шпроты, селедка, салат.

Встречает гостей повариха. Яркая, сочная, боевая, с ямочками на щеках. Горячая зрелая женщина, в том возрасте, когда похлопывают по плечу и говорят: «Ишь, какая!»

— Пожалуйте, товарищи, пожалуйста!

И водит к столу.

Уселись. Девушки сгрудились за одним краем стола, но кто-то закричал, как на настоящих городских вечеринках: «Мы этого не допустим! Рассадить между мужчинами!» И со смехом девушки стали пересаживаться.

Начались тосты. За советскую власть, за родину, за вождей народа, за благосостояние колхоза — тут в памяти записалась десятая — молодая колхозница в голубом хорошем платье, которая очень красиво встала, изящно нагнулась вперед и, подняв чарку — ей налил сосед, — выпила под аплодисменты и восторженные крики за счастливую юность. К ней тянулись со всех сторон и чокались. Чарки появились у многих.

Потом произнес речь тракторист Лебедев — властный парень. Перед тем как встать, он сделал решительное, немного злое лицо. Он вовсе не был намерен бросать слова без толку. Нет, или он будет говорить и его будут внимательно слушать, или он совсем не будет говорить. С таким выражением он смотрел на собравшихся. Закрывались рты, уже начинавшие испускать беспредметные восклицания. Кое-кто

Короткие

СОСЕДИ

ВЕЧЕРОМ он приезжал со службы, снимал пиджак, накидывал халат, слушал радио, иногда говорил жене:

— Подкрути, Маня, репродуктор. Очень орет.

— Подумаешь! — возражала жена.

— Не «подумаешь», а надо уважать соседей. И потом я, кажется, ответственный с'емщик. И не желаю, чтобы обо мне плохо говорили соседи. Постой, звонят, кажется.

— Три звонка. Это не к нам, а к соседям.

— Ну, я схожу открою, — говорил он, запахивая халат. — Да, к соседям. Заодно подкрутил их керосинку. Чуть-чуть уж не дымил.

— Да тебе какое дело?

— Вот так, так. Мне какое дело? Кухня, кажется, у нас общая. Мышиная психология у вас, сударыня!..

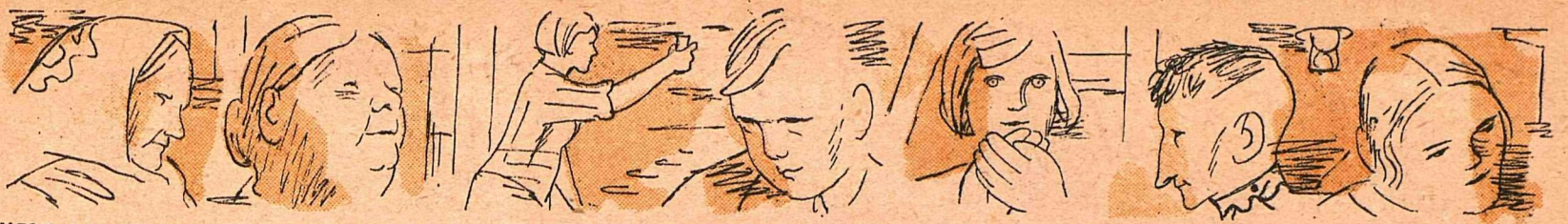
Утром он говорил секретарю:

— Вот что, Михаил Степаныч, вы эти невыполненные заказы сбегите нашим соседям. Пускай весь шум падет на их головы. А то этой ответственности не оберешься.

Звонил телефон. Брал трубку:

— Слушаю. Невыполненные заказы?.. Знаю, знаю. Вы не по адресу звоните, дорогой товарищ. Звоните нашим соседям. Да, да... Что? Мы перекидываем эти заказы как футбольный мяч? Дело наше общее от этого страдает? Вот, вот, потому что я ответственный работник, я не допускаю халатности...

И застегивал пиджачную пуговицу.

клял на место вилку, нож или ложку, многие выпрямляли склоненные над столами плечи. Он завоевал внимание.

И медленно, спокойно, властно он говорил, что колхозу «Звезда» нужно еще сделать очень многое, чтобы быть достойным того внимания, какое уделяют ему область и центр. Тракторы не чинятся с той быстротой, с какой это нужно. Бывают простои. Количество тракторов недостаточно, и причина этого — надо прямо сказать — плохая работа МТС. Тракторные курсы должны давать больше знаний курсантам. Есть отдельные случаи неправильного обращения с машиной.

— Товарищи, не надо забывать о многом. Нам еще много не хватает.

Его слушали внимательно. Но хотели, чтобы он говорил покороче. Все, что он говорил, было правильно. Но надо бы покороче.

Оратор же делал большие паузы. Сжимал плотные губы и медленно обводил взглядом сидящих за столом. Наконец, кончил. Ему аплодировали.

После его речи начали петь.

Пением руководила небольшая тоненькая комсомолка-доярка. Без всяких предисловий она хлопнула в ладоши, открыла рот и, придав лицу наивное выражение, запела так пронзительно-громко, что на мгновение было непонятно, откуда столько силы в таком маленьком теле. И вслед за нею так же пронзительно-оглушающе запели все... Очевидно, здорово спелись... Пели всей грудью, с насадкой, пели долго.

Тринадцатой запомнилась единственная робкая фигура за столом. Это был заведующий хатой-лабораторией. Двадцать восемь лет. Блондин. Нос длинноват, но ничего. Почему робок парень? Впрочем, робость длилась недолго. Выпил две чарки, поел жаркого, раскраснелся, начал оживленно беседовать с рядом сидящей девушкой. Она была очень гибка, тонка в талии и широка в плечах. Перед ужином не могла найти хорошего места. Пересаживалась два раза и, наконец, уселась около заведующего хатой-лабораторией. И теперь, повеселевший, отбросивший робость, он оживленно говорил ей что-то и вдруг положил ей руку на колено (она сидела, откинувшись на спинку стула, и ноги ее, полные, стройные, хорошо были видны, туго обтянутые новым платьем). Не меняя позы и выражения лица, она взяла руку заведующего хатой-лабораторией и, как вещь, осторожно положила на стол. Заведующий хатой-лабораторией, ставший опять робким, продолжал разговаривать, как будто ничего не произошло. Но на самом деле он остро переживал свое смущение.

Часа через два места за столом начали освобождаться. Заведующий хатой-лабораторией беседовал с красивой колхозницей (той, которая толкнула мальчика). Все повороты ее лица и фигуры были изящны. Резкая, нервная, подвижная, она была остро-привлекательна... Заведующий хатой-лабораторией, потерпев крушение, все еще был взволнован. Он бе-

седовал с нею, галантно переминаясь. Она его как будто слушала, но парень чувствовал, что и здесь непрочно. Нет, это — не то. Она улыбалась и невпопад качала головой.

На нее смотрел из-за угла комнаты шофер, и она еле заметно, не оборачиваясь, поглядывала на шофера. И это было непреодолимо. Это были такие взгляды, что ничто не могло их ослабить. Она стояла лицом к заведующему хатой-лабораторией и не поворачивалась, но чувствовалось, что внимание ее направлено в сторону шофера. Когда человек идет по улице и приближается к встречному переулку, то иногда за много шагов можно почувствовать, завернет ли он в переулок или пойдет дальше.

Шофер встал из-за стола. Он чувствовал, что его ждут, что эта красивая хотя и говорит не с ним, а ждет его. Через десять минут заведующий хатой-лабораторией оказался один, а шофер с колхозницей уселись в уголке и долго беседовали, не обращая внимания на танцы, на шум, на веселье и смех.

Через час все вышли на шоссе. Была лунная ночь. Это была бесподобная ночь. Вокруг лежало огромное белое, изумительное пространство. Это был большой нетронутый лист белой бумаги. Он говорил: «Я ничего не знаю, все начинается сначала. Начинается новая жизнь, записывайте все, что хотите: новые победы, планы, отношения, радости жизни и любви. Я ничего не знаю, я белый лист бумаги. Записывайте! Все начинается сначала».

Шли группами и парами. Песни и громкий смех зазвучали на шоссе.

Гости-шефы солидно уселись в машину. Фары ее далеко освещали шоссе и гуляющую молодежь.

Но машина оказалась испорченной. Мотор отказался работать. Шофер не столько смущенно, сколько рассеянно, но и в то же время решительно сказал, что ничего не выйдет: надо вызвать аварийную из города.

Шефы были огорчены: пропадала ночь. Машина из города придет не раньше утра. Шофер недолго возился с машиной. Он потушил фары и исчез.

На утро выяснилось, что машина вовсе не была испорчена. Нет, не была. Недисциплинированный представитель отсталых шоферских кругов решился, во имя личных целей, на служебное преступление.

Он очень долго гулял по шоссе с красивой колхозницей. Он, молчаливый, не мог наговориться с ней.

Местком шефского учреждения через несколько дней полтора часа разбирался в поведении шофера.

Но дело не в этом. Шофер — частный случай, а поездка была замечательная. 14 человек запомнились, часто вспоминаются, и вместе с каждым из них: будь то тип положительный или с изъяном — встает кусочек жизни нашей теплотой, живой, великой родины.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

рассказы

П И С Ь М О

НЕКТО Мещанинов обмакнул перо в чернильницу и строго посмотрел на жену:

— А еще чего говорят на базаре о нашем председателе исполкома?

— Да говорят на базаре, что он обжора и вообще на руку нечист. Шутка ли, домработница его зараз двух петухов купила. Да ты, Миша, не пиши, что, дескать, это на базаре говорят.

— Не учи ученого!

Перо скрипело. Мещанинов, наклонив голову, писал в местную газету, волнуясь и спеша:

«А также сигнализирую. Наш председатель — личность политически сомнительная, особенно в с'едобном отношении. По

совершенно точным данным, он с'едает в день по десятку петухов. Что это такое? При таком поведении район может по милости преда остаться без петухов. А потому еще раз сигнализирую и подчеркиваю...»

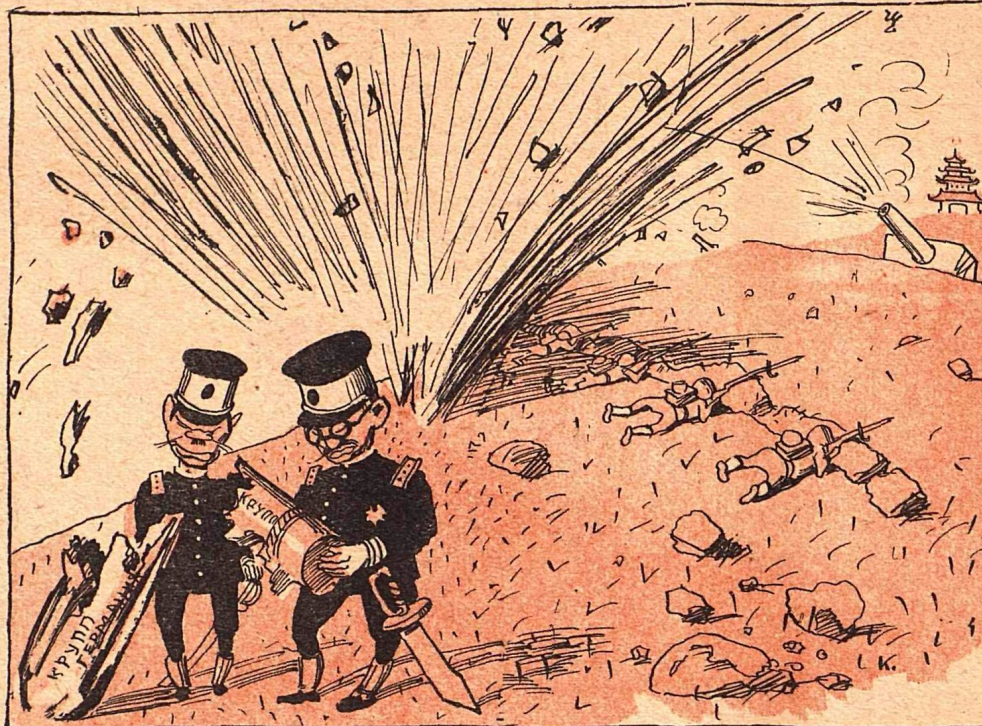
Дописав письмо, запечатал, сам отнес его в почтовый ящик. Перед сном хлопнул себя по лбу и всхлипнул:

— Дурак я, дурак!

— Что, Миша? — спросила жена.

— Да ведь письмо-то по старой привычке анонимным послал! Какой же толк это для меня?! Ни на копейку себя не застраховал в случае чего. Зря только трудился. Ну, скажите, какой дурак!.. Хотя бы инициалы поставить!..

В. ТОБОЛЯКОВ

ЯПОНСКИЙ ОФИЦЕР:—Вот уж никогда не думал, что от оси Берлин—Токио могут отлетать такие осколки.

Туманные картинки

Санитарно-культурной базе Красногвардейского (Москва) райздраводела с уважением, которого она заслуживает, посвящает свой скромный труд автор.

Зрительный зал гудит ровно, как динамомашина. Затем в разных местах трещат аплодисменты. Потом начинается топот: стучат ногами по крайней мере три четверти собравшихся.

— Время!

— Где лекция?!

— Лек-цией да-вай!

— Заведующего сюда!

— Товарищи, давайте спокойнее! Поскольку лектор запоздал, что я могу сделать?..

— Ну тогда танцы! Организовывай танцы!

— Товарищи, давайте спокойнее! Если лектора не будет, то танцы будут непременно... Гражданин, ну куда вы претесь? Во-первых, пальто надо оставлять в гардеробе, а во-вторых, куда вы прете на сцену?

— Извиняюсь, это красный уголок строителей?

— А вы что, не знаете? Ну да, уголок.

— Фу, наконец!.. Вася, давай сюда! Пришли!

— Куда вы пришли? Что вам надо?

— Мне надо лекцию...

— Товарищи, всем надо лекцию... Давай разденемся и пройдем в зал. Все ждут.

— Я не могу ждать: у меня еще лекция назначена.

— Позвольте, вы лектор?

— Ну да, лектор. Вот путевка.

— А фонарь с вами? Картинки с вами?

— А как же! Вася, давай фонарь!

— Да-ешь лекцию! Да-ешь лекцию!!

— Товарищи, давайте не будем шуметь. Лектор в настоящее время пришедши, и сейчас начнем. Товарищ лектор, давайте на сцену!

— Фу! Так вам, значит, какую лекцию? Алкоголизм и его влияние на органы человечества, да?

— Да нет!

— Вася, ты бы пошел установить фонарь.

— Определенно. Иду.

— Ага, значит, вам нужна лекция на тему: глиста и борьба с нею, так?

— Ничего подобного. Нам нужна лекцию...

— ...о брюшном тифе. Знаю.

— Тьфу! Нам нужна лекцию про искусство.

— Как, про искусство?

— Обыкновенно, про искусство. «Изобразительное искусство, как такое», — так, что ли?..

— Изобразительное, конечно. Угу... Так... Угу... Странно тогда, что меня послали. Я же по биологической части... Там глиста или брюшной тиф. А искусством заведует Семен Тимофеевич.

— Так вы что, не можете?

— Нет, я могу... Но я лучше про брюшной тиф... Вы что — деньги уже заплатили за лекцию?

— А как же... Вот квитанция.

— Угу... Так... Конечно, это недоразумение, что меня послали... Но раз деньги уплачены... И потом у нас заведующий не любит, когда деньги возвращать. Хорошо... Я прочту про искусство.

— Только мне надо с диапозитивами.

— А как же, без этого не читаем.

Вася, Вася!.. Пойди сюда, Вася. У тебя про искусство диапозитивы с собой?

— Кажется, здесь... Да ведь мы про что будем читать? Про глисту или про брюшной тиф?

— Нет, представь, требуют про искусство. Придется как-нибудь выйти из положения. У тебя готово?

— Готово.

— Ну, тогда давай... Где моя указка?.. Ага, вот. Товарищ заведующий, можно начинать.

— Вот и хорошо... Граждане! Давайте соблюдать порядочек. Сейчас товарищ лектор начинает лекцию про изобразительное искусство. Давайте, товарищ лектор!

— Уважаемые товарищи! Разрешите мне кратенько рассказать вам, как, когда, зачем, для чего, почему, откуда, каким образом, в силу каких причин и для каких целей возникло так называемое изобразительное искусство и на что оно нам сдалось. Ну-те-с... Это искусство появилось крайне рано, когда еще люди, знаете, толком ничего не умели, ничего не имели. Так сказать, пра-пра-прадед наш, мало чем отличаясь по квалификации от какой-нибудь там обезьяны-макаки или антилопы-гну, уже гнул свою линию. Он норовил, так сказать, не только попить и поесть, но еще и норовил накарябать какой-нибудь такой рисунок на стене той самой пещеры, в которой он жил безо всяких без удобств. Вася, давай первый диапозитив!

— Даю!

— Здесь вы видите, граждане, грубый рисунок. Что он изображает? Это вы можете сами прочесть.

— «Печень алко...»

— «Печень алко-го...»
 — «Печень алкоголика»!
 — Как печень? Вася, не то!
 — Сам вижу. Сейчас переменю.
 — Небольшая накладка, граждане...
 хе-хе... Сейчас все исправим. Вася, ну?
 — В порядке.
 — Здесь вы видите...
 — «Глис-та...»
 — Глиста! Хо-хо-хо!
 — Хи-хи-хи! Это что ж такое?!
 — Хо-хо-хо-хо!
 — Вася, Вася! Мы уже условились.
 У тебя про искусство есть?
 — Чего вы кричите? Сейчас посмотрю. Чоррт! Чоррт!! Чоррт!!
 — Вася! Ну?
 — Что-«ну»?! Чоррт!! Чоррт!!!
 — Ну?
 — Нету. Нету диапозитивов про искусство.

— Час от часу не легче! Как же быть... Одну минуточку, граждане... Вася, пойдн сюда!
 — Чего вам?
 — Вася, знаешь что: надо выходить из положения... Мы сделаем так: я буду читать про искусство, а ты показывай что есть. Только без надписей. У тебя есть диапозитивы без надписей?
 — Подберем.

— Ну иди, голубчик... Итак, как я уже сказал, этот наш болван-предок, еще не умея толком ничего делать, уже стремился своими корявыми лапами к тому, чтобы, видите ли, рисовать. Ну, как он рисовал — можете сами себе представить. Вася, давай диапозитив... Здесь на экране вы видите линии, напоминающие нам каких-нибудь червей или, я бы сказал, глистов. Это не что иное, как рисунок древнего человека, который был найден в одной пещере в окрестностях Мамонтовки. Вася, давай дальше! Но шли века, и наш предок, совершенствовался как мог. Он уже научился пользоваться красками, и цветные рисунки, которыми древние люди украшали стенки своих жилищ, эти рисунки уже намного отличаются от тех, я бы сказал, червеобразных изображений, которые мы только что видели. Вот глядите: этот орнамент отчасти похож на печень человека. Он говорит нам об известном прогрессе, о том, что человечество ушло вперед и уже не довольствуется прежними простыми линиями. Но история, как известно, не останавливается. Что бы там ни было, а история топает и топает все дальше, и вот мы уже видим... Вася, что мы видим? Не могу же я видеть, когда ничего не видно... Давай диапозитив! Ага! И вот мы видим, что дальше люди начинают рисовать красивенькие такие заковыки, которые удивительно похожи на бактерии брюшного тифа. Но это, конечно, не баци... Товарищ, если вы уже уходите из зала, то уходите тихо, не мешайте ни лектору, ни остальной пуб... И к вам тоже это относится... И к вам... Товарищи, куда же вы, действительно? Я же еще не кончил. А? Что? Товарищи, сейчас мы увидим... Вася, что мы увидим? Ах, так? Разбегаетесь? Тогда ничего мы не увидим. Вася, не показывай нам ничего. Не досрости мы все-таки до настоящей культуры!..

В. АРДОВ

Рис. Ю. Ганфа

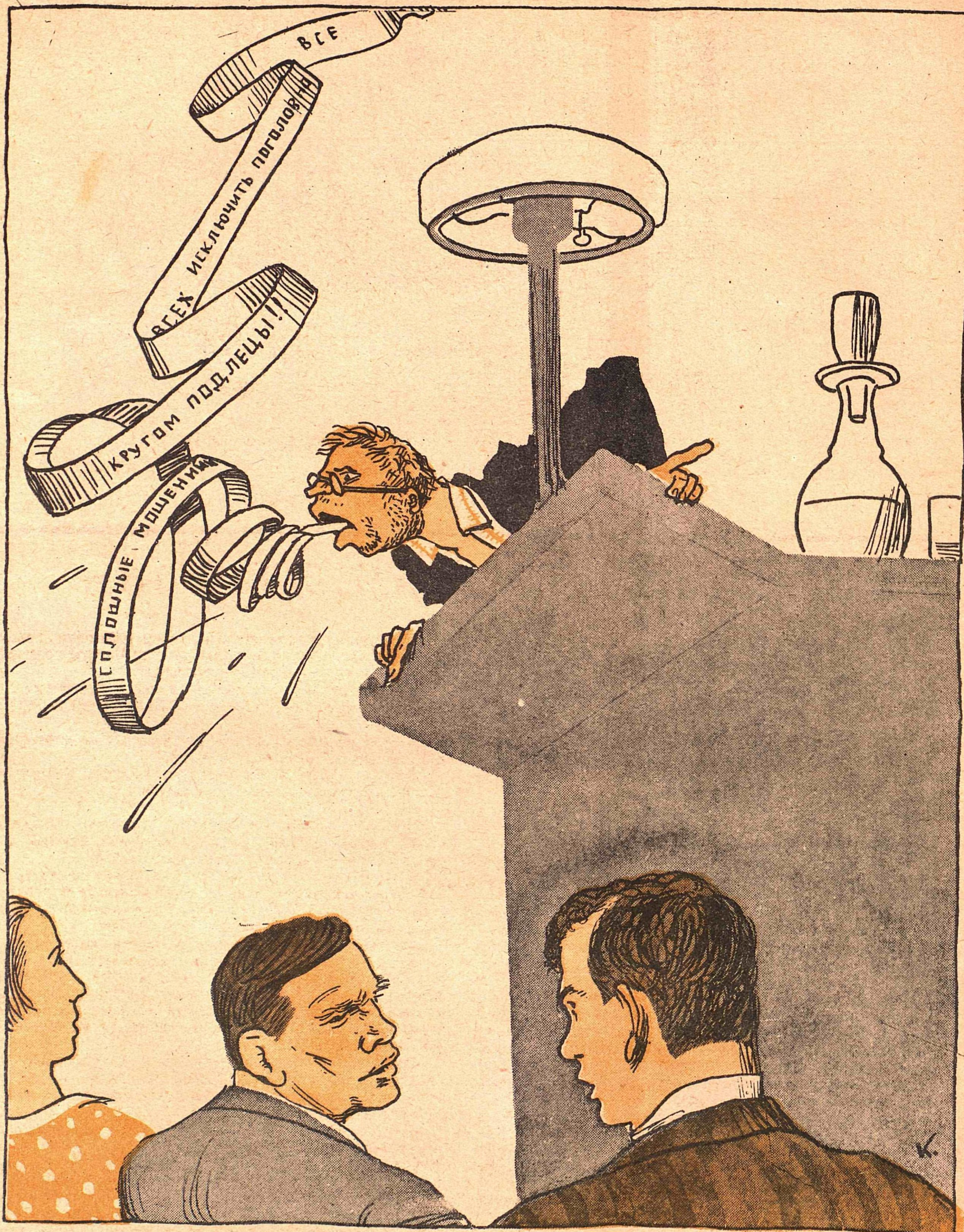
Дырявая копилка.

Рис. Л. Генча

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЦЕНЗЕНТА

— Нет, деточка, самый совершенный радиоприемник не может заменить присутствия в концертном зале: не видишь, как реагируют на музыку товарищи из Комитета по делам искусств.

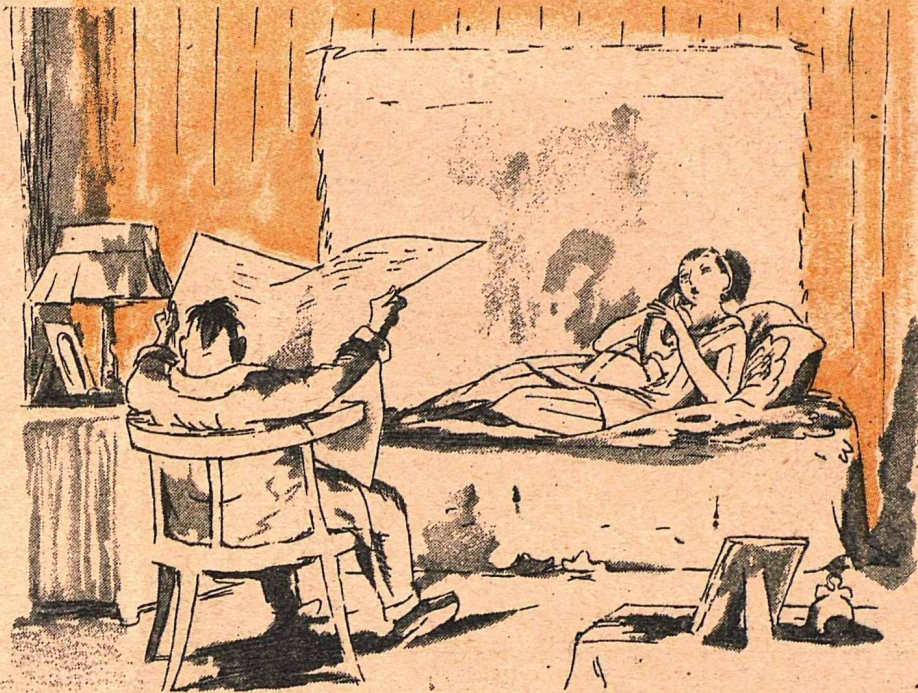

ПОПРАВКА ПО СУЩЕСТВУ

Рис. А. Каневского

- Какая речь, а!.. Огонь, а не речь!
- Какой там к чорту огонь! Это—самое обыкновенное страхование от огня.

Рис. Л. Сойфертиса

— Тебя, видно, нисколько не волнует, что твоя жена целые дни скучает!

— Я тебе давно говорил: поступай работать.

— Ну вот, вечно ты находишь какие-нибудь отговорки.

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

● Букву «А» в начале последнего абзаца, а также в конце нижеследующего рассказа мы действительно приписали. В остальном рассказ «Платоническая любовь» представляет собой литмонтаж, любовно составленный нами из отдельных мест двух рассказов писателя Андрея Платонова. Об этом писателе уже давно идут длинные и однообразные споры.

— Талантливо самобытен! — утверждает один.

— Невозможно читать! — возражали другие.

— Печатать не будем! — кричали в редакциях литературно-художественных журналов.

— А мы будем, — сказали в «Литкритике» и против своего обыкновения среди критических статей напечатали два рассказа.

— И мы будем, — подхватили в издательстве «Советский писатель» и выпустили сборник «Река Потудань» под редакцией Е. Усиевич. Книжку многие ругали. Некоторые защищали. Как раз из этой книжки дословно взяты перлы, из которых составлен наш рассказ. Мы брали целые фразы и отрывки, характеризующие стиль писателя, взгляды его на жизнь, на чувства людей. Единственно, чего мы всячески старались избегать, — это ясности сюжета. Дело в том, что рассказ «Река Потудань» повествует о страданиях некоего импотента, который то теряет, то вновь обретает свое мужское достоинство. Второй рассказ — «Фро», — наоборот, живописует муки темпераментной женщины, всячески старающейся вызвать, хоть на двенадцать дней, мужа с Дальнего Востока. И двенадцать дней непрерывного супружеского счастья завершаются бегством утомленного мужа.

Порнографические изыски Платонова заставили нас по возможности обойти оба эти сюжета.

Для решения вопроса, кто же прав в спорах о Платонове, мы предлагаем вниманию читателей рассказ «Платоническая любовь». Еще раз напоминаем, что весь текст пародии написан самим Платоновым, за исключением уже упомянутых нами «А».

Отец начал прибирать кухню и возиться по хозяйству, потом сел на корточки, открыл дверку духового шкафа, спрятал туда голову и там заплакал над сковородкой с макаронами. Он думал втайне, что и сам бы мог вполне жениться на этой девушке Фросе, раз на матери ее постеснялся, но стыд-

но как-то, и нет в доме достатка, чтобы побаловать, привлечь к себе подобную молодую девицу. И отец Никиты полагал отсюда, что жизнь далеко не нормальна.

Никита наблюдал незнакомые видения своего ума, действующие отдельно от его воли в сжатой горячей тесноте головы.

— Что же ты сегодня себе губки во рту не помазала? — спросил он. — Иль помада вся вышла?

Покушав, Фрося встала первой из-за стола. Она открыла объятия навстречу Никите и сказала ему:

— Ну!

Она хотела быть им любимой постоянно, непрерывно, чтобы внутри ее тела, среди обыкновенной, скучной души, томилась и произрастала вторая милая жизнь.

Никита поднялся и робко обнял ее, боясь повредить что-нибудь в этом особом нежном теле. Фрося сама сжала его себе на помощь, но Никита попросил: «Подождите, у меня сердце сильно заболело». Фрося оставила мужа.

На дворе наступили сумерки, и Никита хотел затопить печку для освещения, но Фрося сказала: «Не надо, я ведь уже кончила учиться, и сегодня наша свадьба». Тогда Никита разобрал постель, а Фрося тем временем разделась при нем, не зная стыда перед мужем. Никита же зашел за отцовский шкаф и там снял с себя поскорее одежду, а потом лег рядом с Фросей ночевать.

Фрося часто тосковала, что она только женщина и не может чувствовать себя микрофарадой, паровозом, электричеством, а Никита может, и она осторожно водила пальцем по его горячей спине.

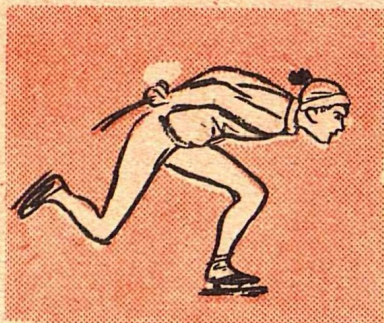
Свет проникал до самого тела Фроси, в котором грелось ее сердце и непрерывно срабатывало текущую кровь в жизненное чувство.

А механик влез в будку одной холодной машины, сел у котла и задремал, истощенный собственным счастьем, обнимая одной рукой паровозный котел, как живот всего трудящегося человечества. Он всегда занимался тайнами машин, надеясь посредством механизмов преобразовать весь мир для блага и наслаждения человечества или еще для чего-то, жена его точно не знала.

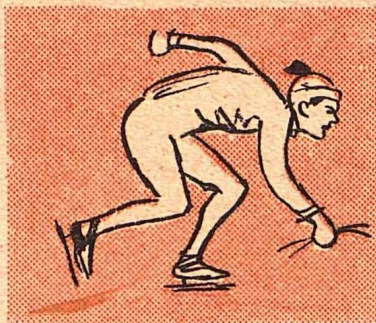
А?

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

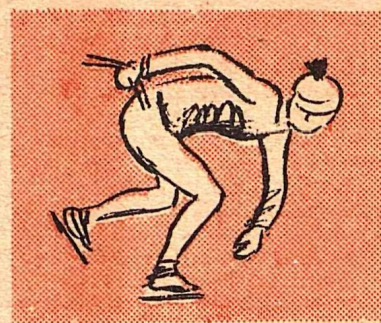
Рис. Л. Генча

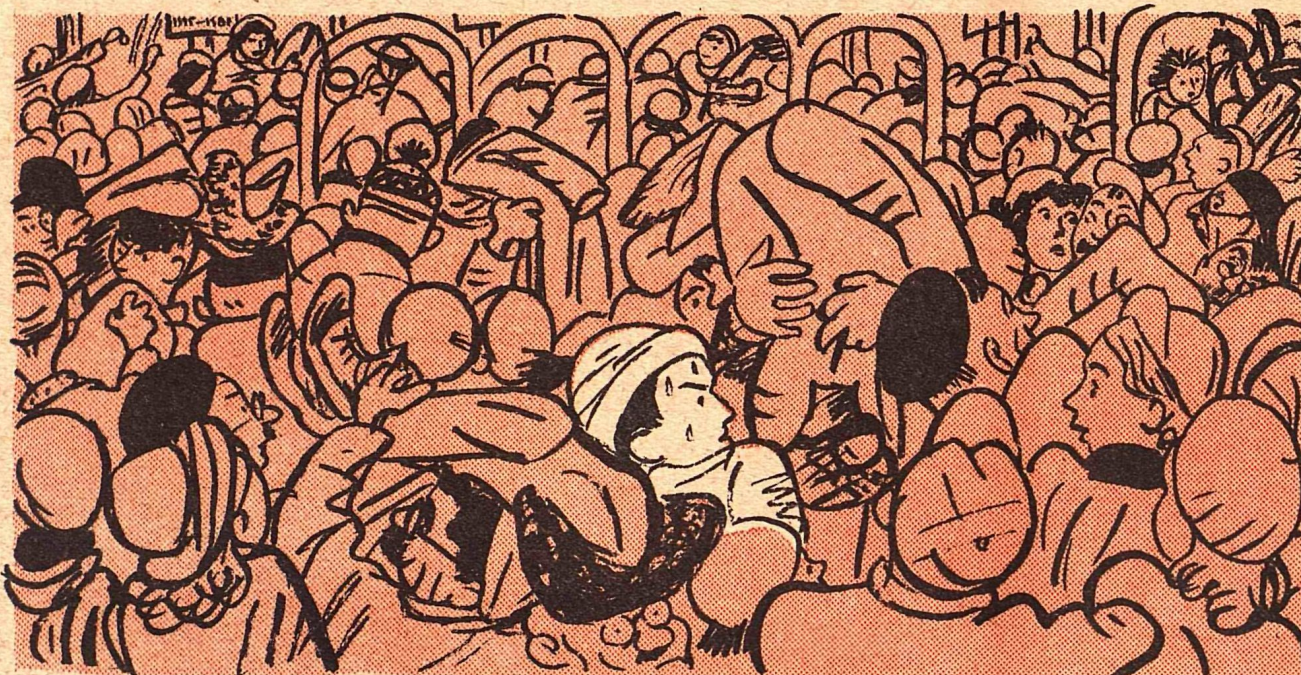
500 метров он делал
в 50 секунд.

1500 метров—в 3 минуты.

3000 метров—в 7 минут.

А последние 6 метров в раздевалке—в 2 $\frac{1}{2}$ часа.

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Товарищ Крокодил!

Ты, вероятно, помнишь о прошлогоднем блестящем переходе пловучего дока из города Николаева (УССР) на Дальний Восток—в Советскую гавань. Я как раз участвовал в этом переходе в качестве радиста и был очень доволен, когда узнал, что в числе других награжден наркомводским именованным значком ударника. Приказ об этом был подписан в недрах Наркомвода еще 1 сентября 1937 года, но до сих пор ни я, ни кто-либо другой из участников перехода значка еще не получили. Мы раньше думали, что о нас забыли в Наркомате, потому что там кипит работа, и что наркому тов. Пахомову не до

того, чтобы отвечать на наши письма. Но вот мы прочитали выступление тов. Жданова на сессии Верховного Совета и поняли, что дело, скорее всего, в бюрократизме, царящем в Наркомводе. Тогда нам стало понятно и то, почему мы до сих пор не получили причитающихся нам «тропических» денег, а основную заработную плату получили только с помощью Комиссии советского контроля. А хорошо бы хоть с опозданием в полгода получить заработанные деньги и обещанный значок! Не правда ли, товарищ Крокодил?

Старший радист пловучего дока 1050
Е. АРГУТИНСКИЙ
Одесса

Дорогой Крокодил!

На заседаниях президиума Старооминского райисполкома часто можно увидеть елейную, украшенную обильной бородой физиономию председателя местного церковного совета Г. С. Кияшко. Григорий Степанович акуратно пьет чай на этих заседаниях и нет-нет да и выскажет свое веское мнение. Возникает законный вопрос: почему церковный председатель участвует в заседаниях президиума рика? Очень просто почему. Потому, что он к тому же и член президиума райисполкома.

Заместитель директора
Ноноясенской МТС
А. АЛЕКСАНДРОВ
Станица Старооминская,
Краснодарского края

Дорогой Крокодил!

Кто заинтересован в том, чтобы не показывать советскому кинозрителю замечательный фильм «Депутат Балтики»? Почему всякую кинодрянь и пошлятину многолетней давности нам назойливо навязывают, а «Депутат Балтики» первым экраном показывали рекордно короткое время, после чего он пропал где-то на пыльных полках кинопрокатных организаций?

Интересно: кто отвечает за это безобразие и как отвечает?

Москва

Н. ЛОШИН

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ОТДЫХ

Вокруг стола тесным кружком собралась вся семья. Все сидят тихо и задумчиво. Время от времени кто-нибудь, сомневаясь, произносит устрашающие слова: «гной», «агония», «люэс», «киста» и т. д. Изредка кое-кого из членов семьи от отвращения мутит, и это несколько нарушает плавное течение занимательного семейного отдыха над кроссвордом во вновь полученном номере ленинградского журнала «Гигиена и здоровье». Ночью вся семья ворочается с боку на бок: не спится. А когда засыпаешь, — снятся «апендициты», «холиты», «уремия», «агония» и тому подобные невеселые медицинские термины. И что еще хуже — снятся пошляки из упомянутого журнала, помещающие кроссворды о гное и агонии под многообещающим заголовком «Занимательный отдых». Какие мрачные люди сидят в редакции журнала «Гигиена и здоровье»!

ШТРАФНОЙ ПРИЕМ

14 января 1938 года, на двадцать первом году существования советской власти, в советском учреждении — Сокольническом парке культуры и отдыха в Москве — на советского работника архитектора Злобину советским работником директором парка Голантом был наложен штраф в размере 8 рублей 50 копеек за опоздание на работу на десять минут. Эта интересная финансовая операция была оформлена по всем правилам бухгалтерской науки, был заполнен кассовый приходный ордер, и кассир расписался в получении указанной суммы.

Меньше всего мы склонны поощрять опоздание на работу, но, с другой стороны, директор Сокольнического парка культуры и отдыха со своими денежными штрафами опоздал по крайней мере на двадцать с лишним лет, о чем мы с прискорбием доводим до сведения наших читателей.

ИЗ ПУШКИ ПО КУКЛАМ

Газета «Московский транспортник» со свойственной ей страстностью обрушилась против основной язвы нашего городского транспорта... качающихся кукол и мартышек, которыми отдельные несознательные шоферы необдуманно украшают задние окна автомашин. Это зло «Московский транспортник» заклеил в заметке под заголовком «Украшения, которые должны быть сняты». Более серьезных недостатков в работе московского транспорта газета, очевидно, не видит.

ЛЕСА И ДЕБРИ

Кто слышал про астраханские леса? Никто? Неправда. Товарищ А. Н. Дунина слыхала. Во всяком случае, в № 1 редактируемого ею журнала «Мурзилка» она напечатала ответственный материал, в котором говорится, что интервенция отрезала от нас «леса астраханские». Мы, конечно, могли бы воспользоваться случаем и покритиковать такую небрежность в работе. Но считаем, что постоянные читатели «Мурзилки» это уже сделали. Так что мы, со своей стороны, только произносим с укоризной: «Ай, ай, ай, тетя Дунина!»

Рис. Л. Генца

В ЛОДЗИ ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, В ВАРШАВЕ

— Одно мировое первенство, коллега, Польша держит крепко: первенство по туберкулезу.

КИНОГЕРОИ

Наверно, не всем известно, что отдельные ленинабадские ответственные работники с супругами очень любят кино. Если бы администрация единственного в Ленинабаде звукового кинотеатра знала это, — она 1 января не начинала бы киносеанс вовремя. Но поскольку упомянутые выше ответственные супружеские пары пришли к середине сеанса и объяснили администрации, как они любят кинозрелище, администрация немедленно признала свои ошибки.

— Пардон, — сказала она, — сейчас исправим положение.

И приказала киномеханику начать вертеть картину сначала.

А протестовавших зрителей самолично выводил из кинозала лихой и бесстрашный начальник городской милиции Бобо Садыков. Очевидцы сообщают, что он был весь как божья гроза. До того горел рвением. Он потом даже вызвал специальный наряд милиции.

Понравилась ли картина виновникам торжества, мы не знаем. Скорей всего, понравилась. А то бы они приказали в середине сеанса прекратить ее демонстрацию и заменить ее другим фильмом. Так что в общем помпадуры на этот раз попались довольно мирные.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 166

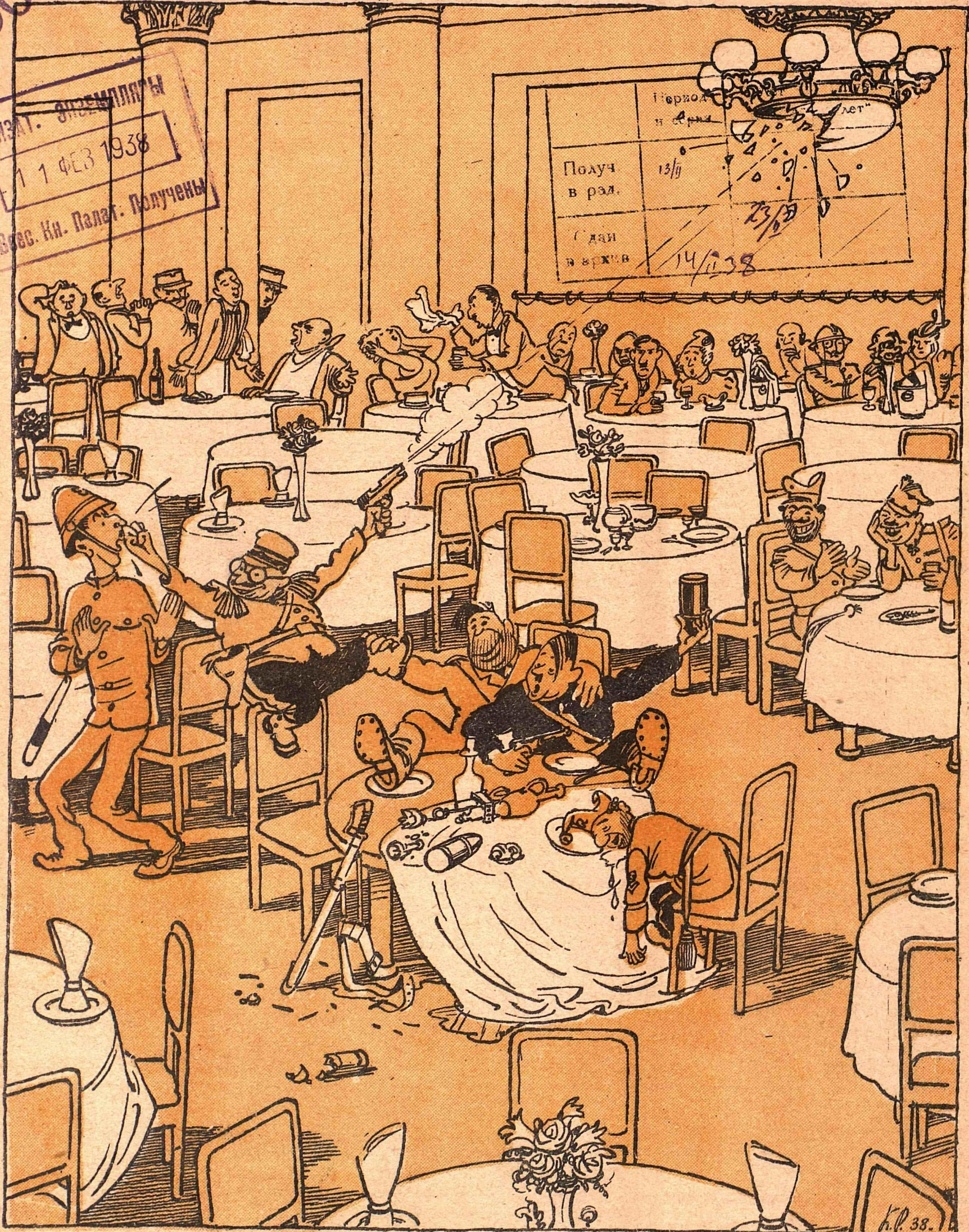
Сдача текста и рисунков 29,1—38 г.

Подп. к печати 4 II—38 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномочен. Главлита № Б-10463. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 229. Тираж 275 000 экз.

В ресторане Европа.

Рис. К. Ротова

К.Р. 38.